

Телефонъ редактора № 15.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Телефонъ типографіи № 15.

№ 4406. Годъ тринадцатый.

Харьковъ. Воскресенье, 31 Октября (12 Ноября) 1893 года.

Годъ тринадцатый. № 4406.

Въ этомъ № 6 страницъ.

Отдѣльные №№ „Южнаго Края“ продаются въ конторѣ, въ кіоскахъ и у разношниковъ по 5 коп. Продавцамъ газеты дѣлается 20% уступки.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“ на 1893 годъ.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ. Выходитъ ежедневно

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ. 11 м. 10 м. 9 м. 8 м. 7 м. 6 м. 5 м. 4 м. 3 м. 2 м. 1 м.
Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К.
Безъ доставки 1050 10 — 925 8 50 7 75 7 — 6 — 5 40 4 50 3 50 2 40 1 20
Съ дост. на домъ 12 — 1150 1075 10 — 9 10 8 20 7 — 6 30 5 20 4 — 2 80 1 40
Съ перес. иногородн. 1250 12 — 1125 10 25 9 50 8 50 7 50 6 60 5 60 4 50 3 20 1 60

Въ „Южномъ Край“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ, имѣющихъ отношеніе къ текущимъ событіямъ.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ: при подпискѣ для городскихъ 3 руб. и для иногороднихъ 3 руб. 50 к., къ 1 марта 3 руб., къ 1 мая 3 руб. и къ 1 августа остальные 3 руб. Кроме того, для городскихъ подписчиковъ, служащихъ въ правительственныхъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденияхъ, допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 2 руб., а затѣмъ каждый 20 числа, начиная съ января, по 1 руб. до октября включительно.

Г. иногородніе за перемѣну адреса платятъ 30 коп. При перемѣнѣ городского адреса на иногородній уплачивается 50 коп.

РЕДАКЦІЯ ГАЗЕТЫ помѣщается въ г. Харьковѣ, на Николаевской площади, домъ г. Пятры. Для личныхъ объясненій по дѣламъ газеты открыта ежедневно, кроме воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 4 до 5 часовъ дня. Статьи, доставляемыя въ редакцію, должны быть непременно за подписью автора. Статьи, доставляемыя безъ обозначенія условій, признаются бесплатными. Статьи, признанныя удобными для печати, подлежатъ въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Мелкія статьи, замѣтки и корреспонденціи, неудобныя для печати, уничтожаются.

Объявленія для „Южнаго Края“ изъ-за границы и изъ всѣхъ мѣстъ Российской Имперіи, кроме Харьковской, Курской, Полтавской, Екатеринославской и Таврической губерній, принимаются исключительно только въ „Торговомъ Домѣ Л. и Э. Метцль и К^о“ въ Москвѣ на Мясницкой улицѣ, въ домѣ Спиридонова.

ОПЕРНЫЙ ТЕАТРЪ.

Дирекція А. Ф. Картавона.

Въ воскресенье, 31 октября, артистами русской оперы, при участіи артиста Императорскаго театра г. Преображенскаго, представлено будетъ: „Африканка“, опера въ 5 дѣйств., муз. Мейерабера. Участвующие: г-жи Негринъ-Шмидтъ, Штрейхеръ, Курочкина и др.; гг. Преображенскій, Виноградовъ, Фюреръ, Горяиновъ, Писаревъ и др. Начало ровно въ 8 ч., конецъ около 12 ч. Въ понедѣльникъ, 1-го ноября, дано будетъ съ участіемъ артиста г. Швалье — „Жидовна“.

30—16

Тропическія меблированныя комнаты, лучшія въ Харьковѣ, Университетская улица, домъ № 19-й. 3905 10—10

А на 1894 г.

мъ редакцій въ Харьковскомъ отдѣльномъ магазинѣ

ВРЕМЕНИИ“,

КАЯ УЛ., ДОМЪ РУДА.

еженедѣльно по средамъ новыя книги 20—1

ернатора объявляется,

го октября, въ предѣлахъ Харьковско-го и смертныхъ случаевъ отъ скома холерномъ баракѣ отъ предѣльныхъ. О. 1—1

олерныхъ заболѣваній въ предѣлахъ пѣзной дороги съ 17 по 29 октября года.

ставалось 3, умеръ 1, выздоровѣло 2.

з. О. ГРУБЕ (Благовѣщенская № 12). отъ больныхъ. Приемъ приходящихъ отъ 9 до 5-го, ординаторъ д-ръ П. А. Липинъ. 4307 5—2

АЗИНАХЪ

ВОЙ-ЖИНКА.

шутка-водевиль въ 1 дѣйств.,

СОЧИНЕНІЕ

Грыцька Основьяненка.

Харьковъ, 1893 г. Цѣна 15 к.

Продается: въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (въ Харьковѣ, Москвѣ, Петербургѣ и Одессѣ), въ книжныхъ магазинахъ: А. С. Гусевой (Екатеринославская ул., домъ Долукалова), французско-польскомъ г-жи Сикорской (Екатеринославская ул., Куколевскаго (Екатеринославская ул., домъ Гинзбурга), Югансона (Рыбная ул.) и въ Театральной библиотекѣ (Екатеринославская ул.). Складъ въ конторѣ газеты „Южный Край“.

Въ залѣ Дворянскаго Собранія, во вторникъ, 2-го ноября, имѣетъ бытъ

ВОЛЬШОЙ РУССКІЙ КОНЦЕРТЪ

НАДЕЖДЫ ДМИТРИЕВНЫ

Хлѣбниковой - Славянской.

Билеты заблаговременно можно получить въ магазинѣ Гергарда на Московской улицѣ, въ домѣ № 4304 3—1

ДОКТОРЪ ВОЛПАНСКИЙ,

Петровский пер., д. № 4, рад. съ Русск. Обш.

СИФИЛИСЪ, БОЛѢЗНИ КОЖИ И НОЧЕЛСЛОВА

Отъ 9—12 ч. и отъ 5—7 ч. веч.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ СЕАНСЫ ОТЪ 4 ч. до 6 ч. 150

СОДЕРЖАНІЕ.

Харьковъ. 30-го октября.
Д. В. Григоровичъ.
Изъ статей и воспоминаній о П. И. Чайковскомъ.
Янъ Матейко.
Обзоръные газеты и журналовъ.
Телеграммы.
Послѣднія извѣстія.
Мѣстная хроника.
Театръ и музыка.
Вѣсти съ Юга (корресп. „Южнаго Края“) изъ Бердянска.
Со всѣхъ концовъ Россіи.
Вѣщныя извѣстія.
Судебная хроника.
Календарь.
Справочныя свѣдѣнія.
Объявленія.
Фельетонъ: На буряхъ. С. К.

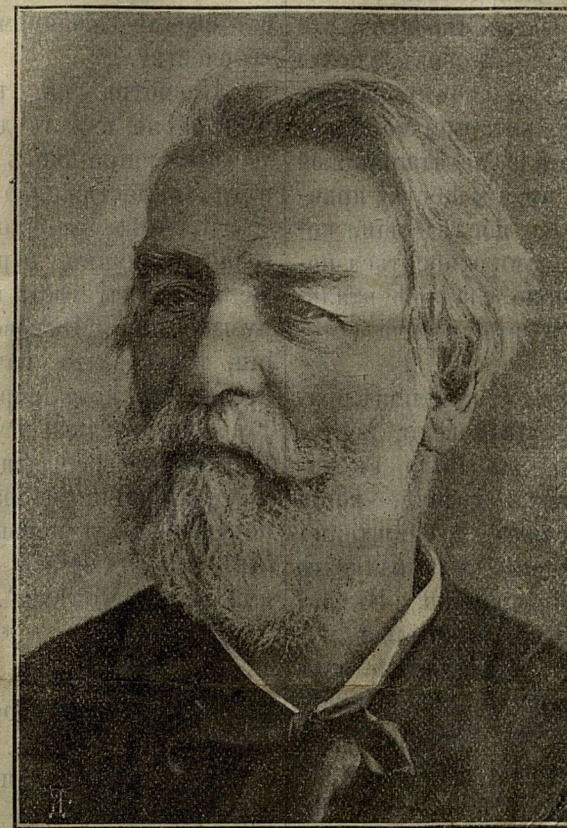
ХАРЬКОВЪ.

30-го октября 1893 года.

„Въ письмѣ изъ Рима, читаемъ въ одной изъ послѣднихъ лондонскихъ телеграммъ: корреспондентъ „Times“ передаетъ слѣдующія слова вполнѣ авторитетнаго лица относительно общей программы вѣшной политики Италіи:

„Главная цѣль Италіи — неизмѣнное согласіе съ Англіей, что, конечно, равносильно союзу, въ виду особаго политическаго строя этой державы, не допускающаго англійское правительство заключать съ кѣмъ бы то ни было письменные договоры. Вся политика Италіи, насколько она даже обуславливается присоединеніемъ ея къ Тройственному союзу, подчиняется прежде всего неизмѣнному согласію съ Ан-

итальянской политики является теперь не столько единеніе съ средне-европейскими державами, какъ „неизмѣнное согласіе съ Англіей“. Италія, видите-ли, готова даже выйти изъ Тройственнаго союза, еслибы того пожелала Англія, и, если не сдѣлаетъ этого, такъ потому только, что Англія ничего не имѣетъ противъ ея дружбы съ Германіей и Австро-Венгріей. Изъ этого можно сдѣлать только одно заключеніе: въ Италіи чрезвычайно дорожатъ поддержкою Англіи и готовы на всевозможныя жертвы лишь — бы заручиться какими-нибудь положительными обѣщаніями со стороны Вестминстерскаго кабинета. Были-ли даны такія обѣщанія? Когда Гладстонъ велъ борьбу съ министерствомъ Салисбюри, онъ обличалъ его, между прочимъ, и въ томъ, что оно связало себя опредѣленными обязательствами относительно Италіи. Такъ какъ эти обязательства пали сами собой съ паденіемъ консервативнаго правительства, Гладстонъ въ правѣ ни мало не стѣсняться ими. Такъ онъ, конечно, и смотритъ на дѣло, тѣмъ болѣе, что совершенно не сочувствуетъ агрессивной политикѣ, которую такъ любилъ его предшественникъ. Не желая возстановлять противъ себя своихъ враговъ, Гладстонъ ввѣрилъ министерство иностранныхъ дѣлъ Розбери, ревностному стороннику биконсфильдовской тактики. Эпизодъ съ Сіамомъ, однако, доказываетъ, что онъ не отказался отъ права контролировать дѣйствія своего коллегіи и даже руководить ими. Этимъ только и можно объяснить себѣ задорный тонъ Розбери въ началѣ столкновенія Франціи съ Сіамомъ и всю дальнѣйшую, весьма миролюбивую и уступчивую тактику Англіи. Гладстонъ разрѣшаетъ Розбери устраивать невинныя демонстраціи, какъ посылка англійской эскадры въ Италію, но онъ принялъ мѣры, чтобы Сеймуръ, стоявшій во главѣ ея, не сказалъ и не сдѣлалъ ничего такого, что могло бы наложить на Англію хоть какія-нибудь нравственныя обязательства относительно Италіи. Всецѣло поглощенный ирландскою реформою и другими внутренними дѣлами страны, Гладстонъ не чувствуетъ не малѣйшаго желанія развлечь ея вниманіе Италіей и ломать копыя въ пользу послѣдней, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ не пророчитъ ни единого слова для того, чтобы подкрѣпить своимъ авторитетомъ весьма прозрачныя, хотя и нѣсколько робкія, намеки „вполнѣ авторитетнаго лица“, обитающаго въ Римѣ. Что Италія всячески старается угодить Англіи, это весьма естественно. Она боится за свой флотъ и за безопасность своихъ береговъ въ случаѣ войны, она со страхомъ поглядываетъ на морскія силы Франціи и предусмотрительно хочетъ „заложиться“ за Англію. Все это весьма понятно. Но гдѣ

Д. В. Григоровичъ.

(По поводу пятидесятилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности 31 октября 1843 — 31 октября 1893 г.)

въ пансіонѣ Монигетти. Русскихъ воспитанниковъ здѣсь было всего двое и воспитаніе продолжалось во французскомъ духѣ.

Въ мальчикѣ еще съ раннихъ лѣтъ пробудилась страсть къ искусству.

13 лѣтъ онъ поступилъ въ инженерное училище въ Петербургѣ, отличившись на вступительномъ экзаменѣ знаніемъ французскаго языка и умѣньемъ рисовать.

Товарищами его здѣсь были: Радецкій, Достоевскій, Кауфманъ, Паукеръ, Тотлебенъ. Достоевскій познакомилъ его съ русской литературой. Д. В. сталъ читать все, что попадалось подъ руку. Вдохновленный „Разбойниками“ Шиллера, онъ попробовалъ написать разбойничью драму, но попытка оказалась неудачною. Въ то же время прочитавъ книжку стиховъ „Мечты и звуки“, онъ познакомился съ Некрасовымъ, но писать стихи не научился. Учился онъ въ училищѣ плохо и черезъ 4 года упростилъ мать взять его изъ училища и затѣмъ поступилъ въ академію художествъ. Слабость зрѣнія помѣшала Д. В. Григоровичу посвятить себя любимому искусству; онъ долженъ былъ отказать отъ своей любимой мечты, но за то онъ всю жизнь интересовался судьбами русской живописи, всегда принималъ живѣйшее участіе въ молодыхъ художникахъ и много сдѣлалъ для нихъ какъ секретарь Общества поощренія художниковъ.

Знакомство съ Плюшаромъ натолкнуло Д. В. Григоровича на мысль попробовать свои силы на литературномъ поприщѣ. Онъ дебютировалъ переводами съ французскаго въ 1843 году, а въ слѣдующемъ году выступилъ съ первыми оригинальными разсказами „Театральная карета“ и „Собачка“. Въ половинѣ 40-хъ годовъ Д. В. сблизился съ Некрасовымъ и въ

Изъ статей и воспоминаній о П. И. Чайковскомъ.

По поводу похоронъ знаменитаго композитора „Новое Время“ говоритъ: „Смерть Чайковскаго поразила всѣхъ глубокой и искренней горестью, всѣхъ, кто только любилъ родное искусство. Эта же смерть представила живое доказательство, какъ теперь отзывчивы всѣ слои общества къ дѣятелямъ искусства и какъ заслуги высоко даровитыхъ служителей мысли, выразительней высшихъ ощущеній души чело-вѣческой, — какъ эти заслуги признаются и чтятся самими государствомъ.“

„Впервые вольный художникъ, царившій въ мірѣ звуковъ, удостоился похоронъ, — можно сказать, безъ всякаго преувеличенія — государственныхъ. Съ Высочайшаго соизволенія, распорядительную часть приняла на себя дирекція Императорскихъ театровъ. Самый церемониалъ похоронъ П. И. Чайковскаго является своего рода историческимъ документомъ. Положено начало всенародному чтванію геніевъ земли русской, этихъ ея безспорно лучшихъ людей, по почиту преобладающей власти, при торжественномъ участіи государственныхъ учреждений. Подъ впечатлѣніемъ просвѣщеннаго высокаго почина невольно рождается мысль — не настало-ли время соорудить пантеонъ русскаго искусства, литературы и науки, — хранилище, въ которой были бы собраны бюсты великихъ нашихъ дѣятелей, своею творческою силою положившихъ глубокое основаніе русской культурѣ, русской гражданственности? Съ благоговѣніемъ будутъ новыя поколѣнія посѣщать это собраніе, безъ словъ такъ много говорящее и уму, и сердцу, и воображенію,

Объявления для „Южного Края“ из-за границы и изъ всѣхъ мѣстъ Россійской Имперіи, кромѣ Харьковской, Курской, Полтавской, Екатеринославской и Таврической губерній, принимаются исключительно только въ „Торговомъ Домѣ Л. и Э. Метцль и К^о“ въ Москвѣ на Мясницкой улицѣ, въ домѣ Спиридонова.

ОПЕРНЫЙ ТЕАТРЪ.

Дирекція А. Ф. Картавова.

Въ воскресенье, 31 октября, артистами русской оперы, при участіи артиста Императорскихъ театровъ г. Преображенскаго, представлено будетъ: „Африканка“, опера въ 5 дѣйств., муз. Мейербергера. Участвующие: г-жи Негринъ-Шмидтъ, Штрейхеръ, Курочкина и др.; гг. Преображенскій, Виноградовъ, Фюреръ, Горайновъ, Писаревъ и др. Начало ровно въ 8 ч., конецъ около 12 ч. Въ понедельник, 1-го ноября, дано будетъ съ участіемъ артиста г. Шевалье — „Жидовна“.

30—16

Троіцкія меблированныя комнаты, лучшія въ Харьковѣ, Университетская улица, домъ № 19-й. 3905 10—10

А на 1894 г.

мъ редакцій въ Харьковскомъ отдѣленіи этого магазина

ВРЕМЕНИ“

КАЯ УЛ., ДОМЪ РУСА.

еженедѣльно по средамъ новыя книги 20—1

ернатора объявляется,

го октября, въ предѣлахъ Харьковско-го колерою и смертныхъ случаевъ отъ скономъ холерномъ баракѣ отъ предѣльныхъ. О. 1—1

олерныхъ заболѣваній въ предѣлахъ лѣзной дороги съ 17 по 29 октября года.

ставалось 3, умеръ 1, выздоровѣло 2.

В. О. ГРУБЕ (Благовѣщенская № 12), отъ хъ больныхъ. Приемъ приходящихъ отъ 9 до 10 вичъ, ординаторъ д-ръ П. А. Липинъ. 4307 5—2

АЗИНАХЪ

жденнаго Товарищества
и и складовъ

С. ПОПОВЫ,

ВЪ ПРОДАЖУ:

въ 1/8 и 1/4 фунта по 2 р. за фунтъ.
и купленный на островѣ Цейлонѣ
3 сорта:

70 к. за фунтъ.
75 к. „ „
80 к. „ „

ется своимъ качествомъ и свойствомъ отъ къ нему, совершенно измѣняетъ присущія ки- острова Цейлона выпускается Правленіемъ въшанномъ видѣ.

ПРАВЛЕНІЕ.

МАЛЫЙ ТЕАТРЪ.

(Екатеринославская, 22).

Въ воскресенье, 31-го октября, для открытія спектаклей, артистами русской драматической труппы, при участіи артиста Императорскихъ театровъ М. М. ПЕТИПА и артистки Л. П. ПЕТИПА, представлено будетъ:

„Гувернеръ“,

ком. въ 5 д., соч. Дьяченко. Въ заключеніе: „Винона, не заслуживаетъ снисхожденія“, ком. въ 2 д., соч. Каряева. Нач. въ 8 ч. в. 4320 1—1

Докторъ

С. Б. ГЕНЕЛЕСЪ

перешелъ на Сумскую ул., въ д. Хариной, № 18. Приемъ больныхъ отъ 9—11 час. утра. 4158 10—7

Хлѣбниковой - Славянской.

Билеты заблаговременно можно получить въ магазинѣ Гергарда на Московской улицѣ, въ домѣ № 4304-3-1

ДОКТОРЪ ВОЛПАНСКИЙ,

Петровский пер., д. № 4, рад. съ Руск. Оби.

СИФИЛИСЪ, БОЛѢЗНИ КОЖИ и МОЧЕПОЛОВОЙ

Отъ 9—12 ч. и отъ 5—7 ч. веч.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ СЕАНСЫ ОТЪ 4—7 ЧАСОВЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

Харьковъ. 30-го октября.
Д. В. Григоровичъ.
Изъ статей и воспоминаній о П. И. Чайковскомъ.
Янъ Матейко.
Обзорные газетъ и журналовъ.
Телеграммы.
Послѣднія извѣстія.
Мѣстная хроника.
Театръ и музыка.
Вѣсть съ Юга (корресп. „Южного Края“) изъ Бердянска.
Со всѣхъ концовъ Россіи.
Внѣшнія извѣстія.
Судебная хроника.
Календарь.
Справочныя свѣдѣнія.
Объявленія.
Фельетонъ: На бурякахъ. С. К.

ХАРЬКОВЪ.

30-го октября 1893 года.

„Въ письмѣ изъ Рима, читаемъ въ одной изъ послѣднихъ лондонскихъ телеграммъ: корреспондентъ „Times“ передаетъ слѣдующія слова вполне авторитетнаго лица относительно общей программы внѣшней политики Италіи:

„Главная цѣль Италіи — неизмѣнное согласіе съ Англіей, что, конечно, равносильно союзу, въ виду особаго политическаго строя этой державы, не допускающаго англійское правительство заключать съ кѣмъ бы то ни было письменные договоры. Вся политика Италіи, насколько она даже обуславливается присоединеніемъ ея къ Тройственному союзу, подчиняется прежде всего неизмѣнному согласію съ Англіей. Вопреки сообщеніямъ „Namburger Nachrichten“, можно считать достовѣрнымъ, что итальянское правительство не обращалось къ Россіи съ просьбой обѣщать ему свое посредничество въ извѣстныхъ случаяхъ; хотя Италія дѣйствительно не питаетъ никакого антагонизма противъ Россіи, однако, она будетъ поддерживать Англію во всѣхъ политическихъ дѣлахъ и вопросахъ на Средиземномъ морѣ. Будь англо-итальянское соглашеніе скрѣплено формальнымъ союзнымъ договоромъ, то Италія, въ случаѣ, еслибъ Англія того пожелала, вышла бы изъ состава Тройственнаго союза по истеченіи его срока; но Италія извѣстно, что Англія этого вовсе не желаетъ“.

Такъ какъ эти слова были сказаны „въполнѣ авторитетнымъ лицомъ“, то можно догадываться, что подъ симъ искомъ нужно подразумѣвать или итальянскаго министра-президента Джіолитти, или его товарища, министра иностранныхъ дѣлъ Бриана. Въ виду этого выше приведенная тирада получаетъ особое значеніе, тѣмъ болѣе, что она была произнесена, очевидно, съ тою цѣлью, дабы хоть нѣсколько ступшевать впечатлѣніе, произведенное на всю Европу франко-русскими празднествами

Прежде всего бросается въ глаза, что, по словамъ „въполнѣ авторитетнаго лица“, краугольнымъ камнемъ

ло не стѣснялись ими. Такъ онъ, конечно, и смотритъ на дѣло, тѣмъ болѣе, что совершенно не сочувствуетъ агрессивной политикѣ, которую такъ любилъ его предшественникъ. Не желая возстановлять противъ себя своихъ враговъ, Гладстонъ ввѣрилъ министерство иностранныхъ дѣлъ Розбери, ревностному стороннику биконфильдовской тактики. Эпизодъ съ Сіамомъ, однако, доказываетъ, что онъ не отказался отъ права контролировать дѣйствія своего коллеги и даже руководить ими. Этимъ только и можно объяснить себѣ зазорный тонъ Розбери въ началѣ столкновенія Франціи съ Сіамомъ и всю дальнѣйшую, весьма миролюбивую и уступчивую тактику Англіи. Гладстонъ разрываетъ Розбери устраивать невинныя демонстраціи, какъ посылка англійской эскадры въ Италію, но онъ принялъ мѣры, чтобы Сеймуръ, стоявшій во главѣ ея, не сказалъ и не сдѣлалъ ничего такого, что могло бы наложить на Англію хоть какія нибудь нравственныя обязательства относительно Италіи. Всецѣло поглощенный ирландскою реформою и другими внутренними дѣлами страны, Гладстонъ не чувствуетъ не малѣйшаго желанія развлечь ея вниманіе Италіей и ломать копья въ пользу послѣдней, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ не пророкитъ ни единого слова для того, чтобы подкрѣпить своимъ авторитетомъ весьма прозрачныя, хотя и нѣсколько робкіе, намеки „въполнѣ авторитетнаго лица“, обитающаго въ Римѣ. Что Италія всячески старается угодить Англіи, это весьма естественно. Она боится за свой флотъ и за безопасность своихъ береговъ въ случаѣ войны, она со страхомъ поглядываетъ на морскія силы Франціи и предусмотрительно хочетъ „заложиться“ за Англію. Все это весьма понятно. Но гдѣ доказательство, что Англія отвѣчаетъ Италіи взаимностью и добивается прежде всего „неизмѣннаго согласія“ съ нею? Такихъ доказательствъ нѣтъ, и смѣло можно сказать, что въ рѣшительную минуту Англія не пойдетъ дальше громовыхъ рѣчей и трескучихъ нотъ, а если онъ не произведутъ надлежащаго эффекта, предоставитъ Италію ея собственной участи....

Д. В. Григоровичъ.

(Къ портрету).

Сегодня исполнилось 50 лѣтъ литературной дѣятельности Дмитрія Васильевича Григоровича. Родился онъ 19 марта 1822 года въ Симбирскѣ, въ имѣніи графа Салогуба. Отецъ его былъ полтавскій помѣщикъ, отставной гусарь Изюмскаго полка; мать была француженка. Дмитрій Васильевичъ былъ ребенкомъ, когда умеръ его отецъ. Дѣтство Д. В. прошло въ сельцѣ Дулебино, на Окѣ. Воспитывали его мать и бабушка, поклонница Вольтера, пропитанная идеями революціи.

Бабушка усадила пятилѣтняго внука за французскую азбуку и онъ скоро ознакомился съ этимъ языкомъ. До восьми лѣтъ у него не было въ рукахъ ни одной русской книги; русскому языку онъ выучился у дворовыхъ и крестьянъ.

Въ 1830 году мальчика отдали въ Московскую гимназію, гдѣ онъ пробылъ всего два мѣсяца и перешелъ

въ пансіонъ Монигетти. Русскихъ воспитанниковъ здѣсь было всего двое и воспитаніе продолжалось во французскомъ духѣ.

Въ мальчикѣ еще съ раннихъ лѣтъ пробудилась страсть къ искусству.

13 лѣтъ онъ поступилъ въ инженерное училище въ Петербургѣ, отличившись на вступительномъ экзаменѣ знаніемъ французскаго языка и умѣнїемъ рисовать.

Товарищами его здѣсь были: Радецкий, Достоевскій, Кауфманъ, Паукеръ, Тотлебенъ. Достоевскій познакомилъ его съ русской литературой. Д. В. сталъ читать все, что попадалось подъ руку. Вдохновленный „Разбойниками“ Шиллера, онъ попробовалъ написать разбойничью драму, но попытка оказалась неудачною. Въ то же время прочитавъ книжку стиховъ „Мечты и звуки“, онъ познакомился съ Некрасовымъ, но писать стихи не научился. Учился онъ въ училищѣ плохо и черезъ 4 года упростилъ мать взять его изъ училища и затѣмъ поступилъ въ академію художествъ. Слабость зрѣнія помѣшала Д. В. Григоровичу посвятить себя любимому искусству; онъ долженъ былъ отказаться отъ своей любимой мечты, но за то онъ всю жизнь интересовался судьбами русской живописи, всегда принималъ живѣйшее участіе въ молодыхъ художникахъ и много сдѣлалъ для нихъ какъ секретарь Общества поощренія художниковъ.

Знакомство съ Плюшаромъ натолкнуло Д. В. Григоровича на мысль попробовать свои силы на литературномъ поприщѣ. Онъ дебютировалъ переводами съ французскаго въ 1843 году, а въ слѣдующемъ году выступилъ съ первыми оригинальными разсказами „Театральная карета“ и „Собачка“. Въ половинѣ 40-хъ годовъ Д. В. сблизился съ Некрасовымъ и Бѣлинскимъ, который съ восторгомъ привѣтствовалъ повѣсти Д. В. Григоровича „Деревня“ и „Антонъ Горемыка“, появившіяся въ печати въ 1847 году (въ „Отеч. Зап.“, и въ „Современникѣ“). Успѣхъ этотъ двухъ повѣстей упрочилъ извѣстность Д. В. Григоровича и побудилъ его продолжать въ томъ же родѣ, т. е. брать темы для своихъ произведеній изъ народной жизни. Кромѣ цѣлаго ряда разсказовъ, живо обрисовывающихъ крестьянскій бытъ, Д. В. написалъ два большіе романа „Рыбаки“ и „Переселенцы“, извѣстные всей грамотной Россіи. Эти романы могутъ быть поставлены наряду съ лучшими произведеніями новѣйшей русской изящной литературы и навсегда упрочили за Д. В. Григоровичемъ право на одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ея исторіи.

Кромѣ цѣлаго ряда повѣстей и романовъ изъ народной жизни Д. В. Григоровичъ написалъ нѣсколько разсказовъ изъ жизни петербургской голытьбы, молодыхъ художниковъ и столичныхъ чудаковъ. Очень читались въ свое время также его романъ „Проселочныя дороги“ и путевыя наброски „Корабль Ретвизингъ“. За послѣдніе годы Д. В. написалъ, между прочимъ, двѣ повѣсти „Акробаты благотворительности“ и „Гулаперчевый мальчикъ“.

Полное собраніе сочиненій Д. В. Григоровича состоитъ изъ десяти томовъ.

Изъ статей и воспоминаній о П. И. Чайковскомъ.

По поводу похоронъ знаменитаго композитора „Новое Время“ говоритъ:

„Смерть Чайковскаго поразила всѣхъ глубокой и искренней горестью, всѣхъ, кто только любилъ родное искусство. Эта же смерть представила живое доказательство, какъ теперь отзывчивы всѣ слои общества къ дѣятелямъ искусства и какъ заслуги высоко даровитыхъ служителей мысли, выразителей высшихъ ощущеній души человеческой, — какъ эти заслуги признаются и чтятся самымъ государствомъ.“

„Впервые вольный художникъ, царившій въ мірѣ звуковъ, удостоился похоронъ, — можно сказать, безъ всякаго преувеличенія — государственныхъ. Съ Высочайшаго соизволенія, распорядительную часть приняла на себя дирекція Императорскихъ театровъ. Самый церемоніаль похоронъ П. И. Чайковскаго является своего рода историческимъ документомъ. Положено начало всенародному чтванію гениевъ земли русской, этихъ ея безспорно лучшихъ людей, по почину предрержавшей власти, при торжественномъ участіи государственныхъ учреждений. Подъ впечатлѣніемъ просвѣщеннаго высокаго почина невольно рождается мысль — не настало-ли время соорудить пантеонъ русскаго искусства, литературы и науки, — хранилищу, въ которой были бы собраны бюсты великихъ нашихъ дѣятелей, своею творческою силою положившихъ глубокое основаніе русской культурѣ, русской гражданственности? Съ благоговѣніемъ будутъ новыя поколѣнія посѣщать это собраніе, безъ словъ такъ много говорящее и уму, и сердцу, и воображенію, вдохновляющее къ служенію родинѣ, направляющее всѣ помыслы къ прекрасному, къ добру.“

У насъ уже былъ напечатанъ некрологъ П. И. Чайковскаго. Дополнимъ его нѣкоторыми подробностями, приведенными въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ о пребываніи Петра Ильича въ училищѣ правовѣдѣнія и въ консерваторіи.

„Извѣстно, какому почетомъ пользовалась музыка въ училищѣ правовѣдѣнія подъ протекторатомъ страстно любившаго ее начальника училища, покойнаго Принца Ольденбургскаго; можетъ быть это и повліяло на музыкальную натуру юнаго Чайковскаго, тѣмъ болѣе, что онъ, человекъ съ извѣстнымъ достаткомъ, какъ и всѣ его товарищи, могъ часто слушать музыку и въ семьѣ, и внѣ дома. — По свидѣтельству Стасова, одного изъ старѣйшихъ учениковъ этой школы, въ „Воспоминаніяхъ объ училищѣ правовѣдѣнія“ (Русская Старина), воспитанники ея часто устраивали домашніе концерты, импровизованные вечера, на которыхъ время посвящалось пѣнію, игрѣ на фортепіано и пр. Такимъ образомъ, извѣстное на правленіе и традиціи были уже найдены Чайковскимъ при поступленіи туда; все это не могло не имѣть вліянія на воспримчивую къ музыкѣ душу юноши.“

„Воспитанники училища правовѣдѣнія старшихъ классовъ свободно отпускаясь въ театръ, а потому и

Чайковский, посещая преимущественно итальянскую оперу, не мог не сдѣлаться въ началѣ италянманомъ. Посещать же итальянскую оперу приходилось уже потому, что русской тогда еще не существовало, а итальянская была такъ-сказатъ въ апогее своего развитія.

„Не мало способствовали эти посѣщенія, безъ сомнѣнія, развитію въ Чайковскомъ его мелодическаго таланта. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что изъ русскихъ композиторовъ, получившихъ свое музыкальное образованіе въ Россіи, тѣ, которые наиболѣе питались и выросли на итальянской музыкѣ, были по преимуществу яркими мелодистами. Въ послѣдствіи, конечно, они стали сами относиться нетерпимо къ приторно сладкой итальянской музыкѣ, а это весьма естественно.

„Окончивъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, П. И. Чайковский поступилъ на службу. Это было въ началѣ шестидесятихъ годовъ, когда Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ взялся за насажденіе музыкальнаго образованія въ Петербургѣ. Въ началѣ, какъ извѣстно, открылись музыкальные классы, или скорѣе родъ музыкальных классовъ, при Михайловскомъ дворцѣ, въ ожиданіи открытія консерваторіи. — Чайковский усердно посѣщалъ эти классы, занимаясь по преимуществу теоріей композиціи, и когда въ 1862 году открылась С.-Петербургская консерваторія, онъ поступилъ туда однимъ изъ первыхъ. Консерваторія тогда находилась у Синяго моста.

„Приготовленный хорошо ранѣе, Петръ Ильичъ поступилъ прямо въ классъ контрапункта, находившійся тогда въ завѣдываніи Н. И. Зарембы, превосходнаго теоретика, но довольно сухаго и педантичнаго музыканта. Взгляды Петра Ильича во многомъ расходились со взглядами его профессора, и Н. И. Зарембѣ много стоило труда, подчасъ и безплоднаго, нѣсколько регулировать своевольное творчество Чайковскаго, вытекавшее изъ самобытности его натуры, и хотя нѣсколько заключать его въ рамки строгаго классическаго направленія. Но не смотря на всѣ хлопоты со своимъ ученикомъ, г. Заремба высоко цѣнилъ его дарованіе, точно такъ же какъ и другіе профессора, во главѣ которыхъ стоялъ Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, всегда отзывавшійся о Чайковскомъ не иначе, какъ съ гордостью отца. Да и какъ же могло быть иначе? Подъ эгидой Рубинштейна скрѣпились музыкальныя силы Петра Ильича, сформировался талантъ, и великій артистъ готовилъ себѣ преемника въ лицѣ рано унесеннаго смертью Чайковскаго!

„Материальное положеніе его въ консерваторіи было незавидное. Главною причиною, конечно, была ссора его съ отцомъ, прочившимъ ему другую карьеру. Ему, привыкшему жить въ достаткѣ, если не въ роско-

ши, трудно было мириться съ материальными невзгодами. Консерваторія была тогда только что основана, довѣря въ обществѣ еще не приобрѣла, а потому ученику ея трудно было достать себѣ какіе-либо уроки, да и плата за послѣдніе была доведена до минимума. Вмѣстѣ съ тѣмъ Чайковский чувствовалъ постоянную антипатію къ педагогической дѣятельности, мѣшавшей ему всецѣло отдаться своему любимому музыкальному творчеству.

„Несмотря на невзгоды, Петръ Ильичъ не падалъ духомъ, но твердо, неуклонно шелъ по намѣченному пути къ достиженію своей цѣли.

„Пробывъ въ консерваторіи три года и кончивъ курсъ, онъ тотчасъ же получилъ мѣсто профессора теоріи музыки при Московской консерваторіи, только что начавшей свою дѣятельность подъ управленіемъ Николая Григорьевича Рубинштейна.

„Московское общество встрѣтило молодого композитора довольно равнодушно, хотя первыя его произведенія, исполнявшіяся въ концертахъ, имѣли уже нѣкій успехъ.“

„Князь М. Арскій въ „Гражд.“ передаетъ личныя воспоминанія о покойномъ:

„Какъ вчера, я помню залу училища правовѣдѣнія, и по ней ежедневно, въ теченіе часа, прогулки въздъ и впередъ двухъ друзей, Апухтина и Чайковскаго! И вотъ, не прошло и трети года со дня кончины Апухтина, какъ роковая очередь пришла за его класснымъ товарищемъ въ теченіи 7 лѣтъ, Петромъ Ильичемъ Чайковскимъ. Первыя стихотворенія Апухтина явились въ рукописи воспитанника младшаго курса въ 1854 году, и въ то же время нашъ учитель музыки, бѣлый какъ лунъ старикъ, нѣмецъ Карель, просиживалъ уже часы со своимъ любимымъ ученикомъ Петромъ Чайковскимъ, любясь его зачатками таланта и его страстнымъ прилежаніемъ къ фортепіанной игрѣ. Въ 1859 году онъ вышелъ изъ училища правовѣдѣнія, блестяще окончивъ курсъ девятымъ классомъ, и пока всѣ товарищи разбрелись по департаментамъ сената и по министерству юстиціи, съ мечтами о чиновной карьерѣ, Чайковский началъ собираться на службу музыкѣ, и только для формы записался на службу. Первые годы его были не легки. Приходилось жить съ лишеніями, всецѣло отдавшись изученію музыки. Только съ прїѣздомъ въ Москву жизни его просвѣтлѣла. Тамъ Н. Г. Рубинштейнъ предложилъ ему мѣсто профессора въ музыкальной консерваторіи. Н. Г. Рубинштейнъ былъ въ жизни Чайковскаго главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Онъ сдѣлалъ его духовнымъ братомъ и ближайшимъ другомъ; культъ музыки ихъ соединилъ неразрывною дружбою, и высшее музыкальное развитіе Чайковскаго происходило какъ бы подъ вліяніемъ вдохновенія и близ-

каго ухода Н. Г. Рубинштейна, соединившаго съ громаднымъ талантомъ душу поэта, чутке высоко-изящнаго вкуса и сердце прекраснаго человѣка.

„Москва, такимъ образомъ, явилась колыбелью музыкальнаго творчества Чайковскаго, и въ то-же время—его первыхъ несомнѣнныхъ успѣховъ. Въ ней начали появляться его симфоніи и его романсы, въ той-же Москвѣ написаны были его первыя оперы. Изъ Москвы имя Чайковскаго стало расходиться по всѣмъ городамъ Россіи, вмѣстѣ съ его произведеніями, которыя съ самаго начала его дѣятельности до сего дня издавалъ г. Юргенсонъ, пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ и дружбою покойнаго Чайковскаго.“

„Петербургская Газета“ рассказываетъ со словъ г. Юргенсона о П. И. Чайковскомъ слѣдующее:

„Петръ Ильичъ вообще очень любилъ деревню и давно уже, даже до своего прїѣзда въ „Майданово“, мечталъ о пріобрѣтеніи собственнаго имѣнія. Тогда я подыскалъ ему дѣйствительно прекрасное имѣніе въ ста верстахъ отъ Москвы, стоившее тридцать тысячъ рублей. Хозяинъ имѣнія предлагалъ Петру Ильичу довольно выгодныя условія—разсрочку уплаты этой суммы на десять лѣтъ, т. е. по три тысячи рублей въ годъ. Въ тѣ года Петръ Ильичъ далеко не зарабатывалъ такъ много, какъ въ послѣднее время, а потому боялся себя связывать подобнымъ обязательствомъ. Тѣмъ дѣло и разстроилось. Впослѣдствіи онъ не разъ вспоминалъ объ этой покупкѣ и очень жалѣлъ, что она не состоялась.“

— Что вы подразумеваете подъ словами „Петръ Ильичъ много зарабатывалъ въ послѣднее время“?

— Тысячъ до двадцати въ годъ... Одинъ „Евгеній Онѣгинъ“ далъ ему, я думаю, тысячъ сорокъ...

„Петръ Ильичъ обожалъ Моцарта. Кроме того, онъ былъ большой поклонникъ Бизе и Делиба... Однажды въ Москвѣ мы съ нимъ смотрѣли какой-то балетъ этого послѣдняго автора и покойный пришелъ въ такой восторгъ, что громко проговорилъ: „вотъ это такъ балетъ... Не то что мои—дрянь“...“

А между тѣмъ балеты Чайковскаго исполнены неотразимой прелестью. Необычайная скромность составляла отличительную черту его характера, и вотъ ея-то и объясняется только что приведенное воспоминаніе.

„Въ прошломъ году, яниъ покойный, директоръ частной русской оперы И. П. Зазулинъ задумалъ поставить у себя „Опричника“ и написалъ объ этомъ письмомъ П. И. Чайковскому, лавшему тогда въ Клязьмѣ. Я видѣлъ оригиналъ отвѣта покойнаго композитора г. Зазулину, въ которомъ онъ просилъ „исполнить его убѣдительную просьбу, и отложить постановку оперы, компрометирующей его артистическое достоинство“...“

„Далѣе Петръ Ильичъ называлъ въ письмѣ эту оперу „во всѣхъ отношеніяхъ слабымъ произведеніемъ“, требующимъ радикальной переработки, и прибавлялъ, „что ему нельзя нанести большаго оскорбленія, большаго огорченія, какъ публичнымъ исполненіемъ „Опричника“, особенно на столічной сценѣ“...“

„О русскихъ молодыхъ музыкантахъ покойный композиторъ говорилъ: „У насъ въ Россіи въ настоящее время много молодыхъ талантливыхъ композиторовъ... Здѣсь, въ Петербургѣ—Лазуновъ, въ Москвѣ—Аренскій, Давыдовъ, племянникъ нашего извѣстнаго виолончелиста, Рахмановъ, написавшій прекрасную оперу на сюжетъ пушкинскихъ „Цыганъ“...“

„Чайковский работалъ много и систематически. Каждый день онъ посвящалъ работѣ шесть часовъ. Онъ не признавалъ того, что надобно ждать вдохновенія и говорилъ по этому поводу слѣдующее:

„Нынѣшняя молодежь для работы дожидается вдохновенія, но я нахожу это совершенно неправильнымъ. Развѣ Моцартъ, умершій въ такихъ раніяхъ лѣтахъ, могъ бы написать столько чудныхъ произведеній, если бы постоянно дожидался вдохновенія?...“

„Это добродушное мнѣніе, замѣчаетъ „Новое Время“ по поводу этихъ словъ: Чайковский высказывалъ потому, что у него, при его могучемъ талантѣ, было постоянное вдохновеніе“.

Состоявшіеся 28-го октября похороны Чайковскаго носили необыкновенно величественный характеръ: Петербургъ не видѣлъ такой импонирующей картины со времени погребенія Тургенева. Утро стояло сухое, солнечное. Выносъ послѣдовалъ въ 9 1/2 час. утра. Шествіе открывалось маскою депутаціей, подраздѣленныхъ на 10 отбѣловъ. Для участованія въ процессіи выдано было театральнѣй дирекціей болѣе 6 тысячъ билетовъ; шествіе растянулось болѣе, чѣмъ на версту: когда голова его была уже у Маринскаго театра, колесница съ гробомъ находилась еще на Малой Морской. Депутаціи слѣдовали въ такомъ порядкѣ: отъ государственнаго контроля, министерства Двора, академіи художествъ, придворной капеллы, отъ филармоническаго Общества, театральнаго училища, московскихъ театровъ, петербургскихъ театровъ, театральнѣхъ оркестровъ, отъ Русскаго музыкальнаго Общества, Петербургской и Московской консерваторій и 8-ми провинціальнѣхъ отдѣленій музыкальнаго Общества, отъ бесплатной музыкальной школы, училища правовѣдѣнія, бывшіе питомцы училища, Петербургская дума въ полномъ составѣ съ городскимъ головою во главѣ, представители русской литературы—Григоровичъ, Потѣхинъ, Вейнбергъ, Аверкиевъ, Сафоновъ, представители петербургскихъ періодическихъ изданій, студенты Петербург-

скаго университета, отъ военно-медицинской академіи, институтовъ горнаго, технологическаго, путей сообщенія, гражданскихъ инженеровъ, слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ, педагогическихъ курсовъ, представители женскихъ гимназій, делегаты частныхъ театровъ, музыкальныхъ обществъ, школъ и кружковъ, частныхъ музыкальныхъ курсовъ; далѣе шли делегаціи Славянскаго благотворительнаго Общества, кассы взаимопомощи литераторовъ, корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ, армянской колоніи, петербургской, итальянской и французской колоній, камско-воггинскихъ заводовъ—мѣста родины композитора; затѣмъ шелъ хоръ Исаакиевскаго собора и духовенство съ преосв. Никандромъ во главѣ.

Триумфальная колесница запряжена шестеркою вороныхъ лошадей съ траурными султанами на холкахъ, въ черныхъ сѣткахъ вмѣсто обычныхъ попоны, по угламъ рѣзанаго балдахина укрѣплены четыре лиры съ инициалами покойнаго, вѣсти балдахина держали воспитанники училища правовѣдѣнія; позади колесницы шли родственники покойнаго: два брата его—Модестъ, драматическій писатель, и Анатолий, Нижегородскій вице-губернаторъ, и племянникъ; шествіе замыкали вѣнки, пирамидально уложенные на высокихъ колесницахъ: на извѣстномъ разстояніи они производили впечатлѣніе медленно двигающихся дѣятельныхъ холмовъ; вѣнки расположены были на трехъ колесницахъ и двухъ экипажахъ; ихъ было болѣе 200, въ томъ числѣ 17 серебряныхъ. Публики было нѣсколько тысячъ, двигавшейся сплошной стѣной по пути процессіи: всѣ тротуары были заняты народомъ. Парадный подъѣздъ Маринскаго театра весь былъ роскошно отдѣланъ чернымъ сукномъ и по угламъ подъѣзда укрѣплены двѣ громадныя черныя хоругви, между которыми находилась лира-монстръ, покрытая прозрачнымъ флеромъ; траурныя портьеры у колоннъ подъѣзда подобраны были пальмовыми вѣтвями; у театра электрическіе фонари были зажжены. Процессія прошла улицей Глинки. У театра отъ русской оперы вынесены были три громадныхъ вѣнка—изъ незабудокъ, лавровый и пальмовый. Затѣмъ процессія прошла мимо театра, обогнула строящееся зданіе новой музыкальной консерваторіи и направилась къ Казанскому собору, гдѣ отслужена была обѣдня и совершенно отпѣваніе. Послѣ выноса изъ собора, гдѣ пѣли артисты русской оперы въ полномъ составѣ, къ шествію присоединился хоръ музыки Финляндскаго полка, обыкновенно участвовавшій въ оперныхъ спектакляхъ. Хоръ по пути исполнялъ похоронныя марши.

Заупокойную обѣдню по П. И. Чайковскому служили и отпѣваніе совершали въ Казанскомъ соборѣ преосвященные Никандръ и Никонъ. Во время обѣдни, кромѣ хора русской оперы, пѣлъ еще архіерейскій хоръ.

Очень многіе, получившіе билеты для входа въ соборъ, не могли попасть въ него, потому что сотни народа остались въ храмѣ послѣ ранней обѣдни и не желали уйти изъ собора. Гробъ въ церкви стоялъ на высокомъ катафалкѣ, накрытомъ сплошь вѣнками. Только въ четверть третьяго окончилось отпѣваніе, и гробъ, вынесенный молодежью, былъ установленъ снова на печальной колесницѣ, покрытой вѣнками. На пути слѣдованія процессіи по всему Невскому, начиная отъ Казанскаго собора, стояли густыя шпалеры толпившагося народа. Окна и балконы на всемъ пути печальнаго кортежа были унижены народомъ. Многіе простаивали часы, чтобы взглянуть на величественную процессію. Движеніе коновъ и экипажей отъ собора до лавры было приостановлено. Въ половинѣ пятаго процессія прибыла къ лаврѣ, гдѣ останки П. И. Чайковскаго были встрѣчены духовенствомъ Александровской лавры. Учащаяся молодежь сняла гробъ и на рукахъ донесла до могилы, которая находится по близости могилъ композиторовъ Бородина и Мусоргскаго. Могила выложена камнемъ и обита желтой парчей. Послѣ лѣтніхъ началъ многочисленныя рѣчи. Давка на кладбищѣ была ужасная. Со сѣднѣй могилы и заборы были покрыты народомъ. Только въ шестомъ часу окончилось погребеніе и публика начала расходиться съ кладбища.

НА БУРЯКАХЪ.

I.

Утро разгоралось. Деревенская улица ожила: скрипѣли ворота, куры собирались у пороговъ въ ожиданіи корма, женщины, провожавшія къ стаду своихъ особенно строптивыхъ телокъ, возвращались съ поля. Ихъ обгнала телба, запряженная сытой лошадкой и гудко стучавшая по ти-

было: болѣзнь дочери не шла у нея изъ ума и всецѣло поглощала ее работа о томъ, какъ бы не дошло до односельчанъ извѣстіе объ этой болѣзни. Лечиться въ больницѣ или у доктора для дѣвушки считается порокомъ, и исключеніе дѣлается только въ пользу ушибовъ. Всѣ остальные болѣзни показывают, что дѣвка малосильна, и за такую хорошихъ сватокъ не будетъ. А Ломка

па дѣвушекъ съ тѣнками на плечахъ возвращалась съ работы и торопилась поужинать, чтобы гулять, пока догораетъ на небѣ долгая лѣтняя заря. По рвамъ и окопамъ слышится шепотъ и дѣвичій визгъ оглашаетъ широкій дворъ тѣсныхъ казармъ, гдѣ ночуютъ работники и работницы. Но въ казармѣ душно, а Петро шепнулъ за ужиномъ: „приди на часъ за ста-

ло у нея въ головѣ, когда она вошла вслѣдъ за крестившей ея матерью въ узенькую горенку, служившую докторскимъ кабинетомъ.

II.

— На бурякахъ была? Этотъ вопросъ прозвучалъ такъ неожиданно для дѣвушки, что въ первую минуту она даже не сообразила, къ ней-ли онъ относится.

— Была въ рощу, отбѣжала въ

кого другого времени никогда и не было. Вернувшись изъ больницы, она сѣла на лавку и такъ просидѣла до ночи. Мать голосила, проклинала, четыре раза кидалась бить. Старшій братъ, игравшій въ домѣ роль старшаго, хотя не зналъ ничего положительнаго, но чувя недоброе, глядя на убитое лицо сестры и заплаканную мать. Онъ то и дѣло хватался за свой помеченный поясъ и сплевывалъ.

ходила у Синяго моста.

„Приготовленный хорошо ранѣе, Петр Ильичъ поступилъ прямо въ классъ контрапункта, находившійся тогда въ завѣдываніи Н. И. Зарембы, превосходнаго теоретика, но довольно сухаго и педантичнаго музыканта. Взгляды Петра Ильича во многомъ расходились со взглядами его профессора, и Н. И. Зарембѣ много стоило труда, подчасъ и безплоднаго, нѣсколько регулировать своевольное творчество Чайковскаго, вытекавшее изъ самобытности его натуры, и хотя нѣсколько заключать его въ рамки строго классическаго направленія. Но не смотря на всѣ хлопоты со своимъ ученикомъ, г. Заремба высоко цѣнилъ его дарованіе, точно такъ же какъ и другіе профессора, во главѣ которыхъ стоялъ Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, всегда отзывавшійся о Чайковскомъ не иначе, какъ съ гордостью отца. Да и какъ же могло быть иначе? Подъ эгидой Рубинштейна окрѣпли музыкальныя силы Петра Ильича, сформировался талантъ, и великій артистъ готовилъ себѣ преемника въ лицѣ рано унесеннаго смертью Чайковскаго!

„Материальное положеніе его въ консерваторіи было незавидное. Главною причиною, конечно, была ссора его съ отцомъ, прочившимъ ему другую карьеру. Ему, привыкшему жить въ достаткѣ, если не въ роско-

его класснымъ товарищемъ въ теченіи 7 лѣтъ, Петромъ Ильичемъ Чайковскимъ. Первые стихотворенія Апутина явились въ рукописи воспитанника младшаго курса въ 1854 году, и въ то же время нашъ учитель музыки, бѣлый какъ дунь старикъ, нѣмецъ Карель, просиживалъ уже часы со своимъ любимымъ ученикомъ Петромъ Чайковскимъ, любясь его зачатками таланта и его страстнымъ прилежаніемъ къ фортепیانной игрѣ. Въ 1859 году онъ вышелъ изъ училища правовѣдѣнія, блестяще окончивъ курсъ девятымъ классомъ, и пока всѣ товарищи разбрелись по департаментамъ сената и по министерству юстиціи, съ мечтами о чиновной карьерѣ, Чайковскій началъ собираться на службу музы, и только для формы записался на службу. Первые годы его были не легки. Приходилось жить съ лишениями, всецѣло отдавшись изученію музыки. Только съ прїѣздомъ въ Москву жизни его просвѣтлѣла. Тамъ Н. Г. Рубинштейнъ предложилъ ему мѣсто профессора въ музыкальной консерваторіи. Н. Г. Рубинштейнъ былъ въ жизни Чайковскаго главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Онъ сдѣлался его духовнымъ братомъ и ближайшимъ другомъ; культъ музыки ихъ соединилъ неразрывною дружбою, и высшее музыкальное развитіе Чайковскаго происходило какъ бы подъ влияніемъ вдохновенія и близ-

ствіи онъ не разъ вспоминалъ объ этой покупкѣ и очень жалѣлъ, что она не состоялась.

— Что вы подразумеваете подъ словами „Петръ Ильичъ много зарабатывалъ въ послѣднее время“?

— Тысячъ до двадцати въ годъ... Одинъ „Евгеній Онѣгинъ“ далъ ему, я думаю, тысячъ сорокъ...

„Петръ Ильичъ обожалъ Моцарта... Кроме того, онъ былъ большой поклонникъ Бизе и Делиба... Однажды въ Москвѣ мы съ нимъ смотрѣли какой-то балетъ этого послѣдняго автора и покойный пришелъ въ такой восторгъ, что громко проговорилъ: „вотъ это такъ балетъ... Не то, что мой—дрянь“...

А между тѣмъ балеты Чайковскаго исполнены неотразимой прелести. Необычайная скромность составляла отличительную черту его характера, и вотъ ею-то и объясняется только что приведенное воспоминаніе.

„Въ прошломъ году, нынѣ покойный, директоръ частной русской оперы И. П. Зазулинъ задумалъ поставить у себя „Опричника“ и написалъ объ этомъ письмо П. И. Чайковскому, жившему тогда въ Клязьмѣ. Я видѣлъ оригиналъ отвѣта покойнаго композитора г. Зазулину, въ которомъ онъ просилъ „исполнить его убѣдительную просьбу и отложить постановку оперы, компрометирующей его артистическое достоинство“...

Состоявшаяся 28-го октября похороны Чайковскаго носили необыкновенно величественный характеръ: Петербургъ не видалъ такой импонирующей картины со времени погребенія Тургенева. Утро стояло сухое, солнечное. Выносъ послѣдовалъ въ 9^{1/2} час. утра. Шествіе открывалось массою депутацій, подраздѣленныхъ на 10 отдѣловъ. Для участванія въ процессіи выдано было театральн. дирекціей болѣе 6 тысячъ билетовъ; шествіе растянулось болѣе, чѣмъ на версту: когда голова его была уже у Маринскаго театра, колесница съ гробомъ находилась еще на Малой Морской. Депутаціи слѣдовали въ такомъ порядкѣ: отъ государственнаго контроля, министерства Двора, академіи художествъ, придворной капеллы, отъ филармоническаго Общества, театральнаго училища, московскихъ театровъ, петербургскихъ театровъ, театральныхъ оркестровъ, отъ Русскаго музыкальнаго Общества, Петербургской и Московской консерваторій и 8-ми провинціальныхъ отдѣленій музыкальнаго Общества, отъ безплатной музыкальной школы, училища правовѣдѣнія, бывшіе питомцы училища, Петербургская дума въ полномъ составѣ съ городскимъ головою во главѣ, представители русской литературы — Григоровичъ, Потѣхинъ, Вейнбергъ, Аверкиевъ, Сафоновъ, представители петербургскихъ періодическихъ изданій, студенты Петербург-

томъ числѣ 17 серебряныхъ. Публика билонѣсколю тысячъ, двигавшейся сплошной стѣной по пути процессіи: всѣ тротуары были заняты народомъ. Парадный подъѣздъ Маринскаго театра весь былъ роскошно отдѣланъ чернымъ сукномъ и по угламъ подъѣзда укрѣплены двѣ громадныя черныя хоругви, между которыми находилась лира-монетръ, покрытая прозрачнымъ флеромъ; траурныя портьеры у колоннъ подъѣзда подобраны были пальмовыми вѣтвями; у театра электрическіе фонари были зажжены. Процессія прошла улицею Глинки. У театра отъ русской оперы вынесены были три громадныхъ вѣнка — изъ незабудокъ, лавровый и пальмовый. Затѣмъ процессія прошла мимо театра, обогнула строящееся зданіе новой музыкальной консерваторіи и направилась къ Казанскому собору, гдѣ отслужена была обѣдня и совершенно отпѣваніе. Послѣ выноса изъ собора, гдѣ пѣли артисты русской оперы въ полномъ составѣ, къ шествію присоединился хоръ музыки Финляндскаго полка, обыкновенно участвовавшій въ оперныхъ спектакляхъ. Хоръ по пути исполнялъ похоронныя марши.

Заупокойную обѣдню по П. И. Чайковскому служили и отпѣваніе совершали въ Казанскомъ соборѣ пресвященныя Никандръ и Никонъ. Во время обѣдни, кромѣ хора русской оперы, пѣли еще архіерейскій хоръ.

НА БУРЯКАХЪ.

I.

Утро разгоралось. Деревенская улица ожила: скрипѣли ворота, куры собиравались у пороговъ въ ожиданіи корма, женщины, провожавшія къ стаду своихъ особенно строптивыхъ телокъ, возвращались съ поля. Ихъ обгоняла телѣга, запряженная сытой лошадкой и гулко стучавшая по тихой улицѣ.

Въ телѣгѣ сидѣли двѣ женщины: молоденькая дѣвушка-подростокъ и востливая старуха, умѣло правившая лошадей.

— Лапшиха съ Замоскаго хутора поѣхала, сказала одна баба другой, обмѣнявшись поклономъ съ путницами.

— И куда поспѣшаетъ? отвѣтила та безучастнымъ вопросомъ, и обѣ пошли къ своимъ хатамъ. А Лапшиха обогнула виднѣвшуюся въ концѣ улицы церковь и остановила лошадь у низенькаго дома съ надписью „больница“.

На лицѣ старухи мелькнуло недовольство: она встала чуть не съ полночи, думая первой поспѣть къ докторскому приему, а между тѣмъ на крыльцѣ сидѣло съ десятокъ больныхъ, расположившихся въ тѣхъ покойныхъ положеніяхъ, которыя говорятъ о долгомъ и терпѣливомъ ожиданіи. Но дѣлать было нечего. Завернувши лошадь въ тѣнь, она пошла къ крыльцу и поклонилась сидѣвшимъ мужикамъ:

— Здравствуйте вамъ.

— Здравствуйте. До доктора прѣѣхали?

— Да вотъ дѣвка ногу сбила, отвѣтила старуха, оглядываясь на дѣвushку, которая медленно плелась позади.

— Сидь, дочка, вонъ тамъ въ холодочку, прибавила она, указывая на лежащее поодаль отъ крыльца бревно. Сама Лапшиха пріѣхала къ мужикамъ и слушала ихъ бесѣду, считая для себя, бабы, неприличнымъ вставить слово. Да и недо того ей

было: болѣзнь дочери не шла у нея изъ ума и всецѣло поглощала ее забота о томъ, какъ бы не дошло до односельчанъ извѣстіе объ этой болѣзни. Лечиться въ больницѣ или у доктора для дѣвushки считается порокомъ, и исключеніе дѣлается только въ пользу ушибовъ. Всѣ остальные болѣзни показываютъ, что дѣвка малосильна, и за такую хорошихъ сватовъ не будетъ. А Домка какъ-разъ на выданіи: ей идетъ семнадцатый годъ. Лапшиха не безъ гордости оглянулась на статную фигуру дочери и ея миловидное лицо, испытывая чувство материнской удовлетворенности при мысли о тѣхъ трудахъ и лишенияхъ, среди которыхъ ей пришлось выходить дочку. Когда сама она была въ дѣтахъ Домки, ее выдали бѣдняки-родители за богатаго вдовца. Былъ онъ некрасивъ, неуклюжъ и такъ нескладенъ, что даже имя его забылось за насмѣшливымъ прозвищемъ „Лапши“, данымъ ему еще въ молодости. Лапша выпивалъ и хозяйство велъ плохо, такъ что оставшись вдовою съ четырьмя дѣтьми, жена его увидѣла слезную нужду. Но Господь прибралъ младшаго ребенка, старшаго она на няня въ пастухи, остальныхъ двухъ пристроила къ роднымъ, а сама пошла служить въ городъ, откуда черезъ два года вернулась съ деньгами, составляющими капиталъ для крестьянской семьи.

Теперь зарабатываютъ всѣ дѣти, и единственнымъ горемъ явилась нежданная болѣзнь Домны. Какалъ была дѣвка! какъ работала! еще весною съ буряковъ двадцать рублей принесла. Объ этихъ двадцати рубляхъ думала въ эту минуту и Домка. Она видѣла передъ собою эти четыре синенькія бумажки, и онѣ словно жгли ей руки.

„Было-бъ, мамо, меня на буряки не посылать“, почти вслухъ шепчетъ дѣвushка, словно оправдываясь въ чемъ-то.

И развѣ она виновата? Такъ весело жилось въ экономіи, такъ сладко пѣлъ соловей и ясно горѣли зори; такъ звонко лилась пѣсня, когда тол-

па дѣвushекъ съ тѣпками на плечахъ возвращалась съ работы и торопилась поужинать, чтобы гулять, пока догораетъ на небѣ долгая лѣтняя зоря. По рвамъ и окопамъ слышится шепотъ и дѣвичій визгъ оглашаетъ широкий дворъ тѣсныхъ казармъ, гдѣ ночуютъ работники и работницы. Но въ казармѣ душно, а Петро шепнулъ за ужиномъ: „приди на часъ за старую клуню, одѣлѣ поговорить надо“.

И онъ говорилъ о томъ, что въ семьѣ онъ старшій сынъ и что отецъ пошлетъ для него сватовъ въ глухой Замоскій хуторъ. Домна вѣрила и прижималась отъ ночнаго холода къ горячему плечу Петра. Къ концу полотья Петро исчезъ. Пошли про него недобрые слухи: одни говорили, что отецъ его черезъ полицію вытребовалъ, другіе — что за нимъ жена приходила. Домка прислушивалась къ этимъ разговорамъ и ей чудилось порою, что волосы отъ страха шевелится на головѣ, а по кожѣ пробѣгаетъ морозъ. Наконецъ, когда односельчане ушли съ работы, она собралла все свое имущество и пошла справиться въ конторѣ, куда дѣвался Петро. Ей отвѣтили, что ушелъ онъ на родину, а родина его — большое село Ивановское въ сосѣдней губерніи. Для Домны, попавшей въ уѣздный городъ на армарку въ шестнадцать лѣтъ, — другая губернія была тѣмъ краемъ свѣта, гдѣ колокола не звонятъ, не слышно человѣческой рѣчи, а всякій пришлецъ долженъ погибнуть. Ни на минуту не приходило ей въ голову искать своего обидчика, и ясно стало, что онъ ее обманулъ и всегда обманывалъ. Чтобы заглушить точившую ее тоску, дѣвushка стала надирать на работѣ. Но работа спорилась не по прежнему: ноги отяжелѣли, въ глазахъ стояли красныя круги и сердце трепетало, какъ голубь. Случалось, она падала, какъ снопы, и эти припадки заставляли Лапшиху везти ее къ доктору, рискуя опорочить дочку. О докторѣ Домна думала съ чувствомъ непріязненнаго лукавства:

— Небось не догадается, мелькнуло у нея въ головѣ, когда она вошла вслѣдъ за крестившей ея матерью въ узенькую горенку, служившую докторскимъ кабинетомъ.

II.

— На бурякахъ была? Этотъ вопросъ прозвучалъ такъ неожиданно для дѣвushки, что въ первую минуту она даже не сообразила, къ ней-ли онъ относится.

— Была всю весну, отвѣтила за нее мать.

— Ну, плохо дѣло. Марья Николаевна, займитесь больно, продолжалъ докторъ, обращаясь къ молодой акушеркѣ-фельдшерницѣ, отвѣщивавшей въ эту минуту порошки.

Фельдшерница увела Домну, которой почудилось, словно она стоитъ на исповѣди.

Какъ и тогда у нея слегка дрогнули ноги. Лапшихѣ недолгое ожиданіе показалось вѣкомъ, и когда фельдшерница съ Домной вернулись, она увидѣла на лицѣ дочери еще непонятную, но великую и неминуемую бѣду. Лицо дѣвushки покрылось нервною краской, которая пошла пятнами до самаго лба, губы перемягли, а въ глазахъ глядѣла невыносимая мука.

— Ну, старуха, говорилъ между тѣмъ докторъ, ожидай внука, да хорошенько присматривай за дѣвкой, чтобы она чего-нибудь надъ ребенкомъ не сдѣлала. За это выскрываютъ строго: на саторгу посылають. — Да, продолжалъ докторъ, когда женщины вышли: экономія, — это такая язва нашего края. Этотъ случай еще не изъ самыхъ печальныхъ, потому что народъ привыкъ смотрѣть сквозь пальцы на дѣвичій грѣхъ. А вотъ что хуже — ежегодно мнѣ случается видѣть семьи, зараженные ужасной болѣзью, которая въ теченіе какого-нибудь года захватываетъ цѣлыя села и губитъ цѣлыя поколѣнія.

III.

Дѣло шло къ разсвѣту, когда Домна тихонько выкралась изъ хаты. Послѣдній день ей показался такимъ длиннымъ, словно кромѣ него ника-

кого другого времени никогда и не было. Вернувшись изъ больницы, она сѣла на лавку и такъ просидѣла до ночи. Мать голосила, проклинала, четыре раза кидалась бить. Старшій братъ, игравшій въ домѣ роль старшаго, хотя не зналъ ничего положительнаго, но чуялъ недоброе, глядя на убитое лицо сестры и заплаканную мать. Онъ то и дѣло хватался за свой ременный поясъ и сплевывалъ на сторону, а къ вечеру ушелъ изъ дому.

Лапшиха пріѣхала къ дочери и вдругъ заговорила такъ ласково, что у Домки хлынули слезы. Что говорила мать, она хорошенько не разслышала, но почуяла въ ней существомъ, что ее жалѣютъ, и отъ этой мысли словно сердце растопилось у нея въ груди. Такъ и заснула она, на той же лавкѣ, прижавшись головою къ материнскимъ коленнымъ.

Теперь всѣ спали и дома, и на селѣ. Невѣдомая, тяжелая истома охватила тѣло дѣвushки. Въ хатѣ было душно и хотѣлось пить. Она захватила кувшинъ и пошла къ рѣчкѣ. Кругомъ было такъ спокойно и радостно, словно никому нѣтъ дѣла до той тяжести, которая горою придавила Домкино сердце. Перекликались пѣтухи, гдѣ-то далеко гоготали гуси, роса лежала бѣлымъ налетомъ и передутренній вѣтеръ прохладною вѣялъ въ лицо. Домна пошла къ кручѣ подъ рѣчкой, умылась, напилась и сѣла подъ вербами.

Ей показалось, что теперь ей надо рѣшить какое-то большое дѣло и, охвативъ руками колѣни, она принялась думать. Мысли нестройно неслись у нея въ головѣ. Мать говоритъ, что въ другомъ хуторѣ есть такая бабка, что дастъ порошки, отъ которыхъ все пройдетъ. Ахъ, кабы въ правду такъ стало! Тогда ничего не страшно.

Многія такъ дѣлають, какъ ей случилось, а потомъ и замужъ выходятъ и живутъ не хуже людей. А какъ порошки не помогутъ? Мать говоритъ, что тогда придется за криваго Волка